

Этничность и формы ее проявления в культуре и общественной жизни (на примере коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока)

Тамара Федоровна Кряклина – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. Петровской академии наук и искусств, независимый исследователь. Барнаул, Россия.

E-mail: asusocio@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется этничность коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока с учетом биологических и генетических особенностей их развития, формы ее проявления в общественной жизни и культуре. Сформировавшийся биологический тип этносов, проживающих в экстремальных условиях природно-климатической среды, характеризуется доминирующим развитием правополушарного (образного) мышления, которое способствует выстраиванию гармонических отношений с природой и внешним миром. Этничность проявляется в наличии у вышеназванных народов развитого этнического самосознания, закрепленного в самоназвании этноса, национального языка (чаще всего разговорного), особенностях культуры и быта, своеобразии системы родства, питания, религии и религиозных культов. Этничность для малочисленных народов – это способ сохранения и развития своей индивидуальности в многонациональном обществе. Статья представляет собой переработанную и дополненную, изданную ранее статью автора «Этничность как фактор социально-культурного самоопределения народа (на материале народностей Севера)» (Кряклина 1998).

Ключевые слова: этничность, коренные малочисленные народы Севера, шкала проявления этничности, этническая идентичность.

Введение

НА У Ч Н А Я проблема статьи заключается в исследовании природы этничности коренных малочисленных народов Севера и форм ее проявления. Цель работы – создать своеобразную шкалу проявления этничности народов Севера. Для достижения поставленной цели используется междисциплинарный подход, включающий анализ медико-биологических и генетических данных о народах Севера, материалов комплексной научно-исследовательской экспедиции «Обская панорама»; апробацию методики выявления этничности, предложенной американскими антропологами; проведение педагогического эксперимента по созданию модели малокомплектной общеобразовательной школы с обучением традиционной культуре селькупов, социологического опроса учащихся школы с. Иванкино Колпашевского района Томской области; метод наблюдения.

Междисциплинарный подход позволил привлечь информацию из разных областей знания (антропологии, биологии, генетики, культурологии, социологии, этнополитологии) для всестороннего анализа такого сложного и неоднозначно трактуемого объекта исследования, как этничность. Анализ, систематизация и обобщение производились на основе логических методов мышления (индукции, дедукции, единства исторического и логического).

Понятие этничности

В современной социально-политической науке понятие этничности используется наряду с понятием этнос. Однако в зарубежной (западной) антропологии оно используется много чаще. Существует множество точек зрения на причины и условия воспроизводства этничности. В американской антропологии распространено толкование этничности как своеобразного маркера, с помощью которого человек идентифицируется с определенной социальной группой (Котанджян 1992). При всех разночтениях единым в определении этничности чаще всего выступает противопоставление «мы – они».

Между тем вопросы о сущности этничности вряд ли исчерпываются только противопоставлением «мы – они». Медико-биологические и генетические исследования говорят о том, что этничность имеет и физиологические основы. Выступая своеобразной формой коллективности (коммунальности) человеческих популяций, она включает адаптационно-приспособительный механизм взаимодействия человека и природы. Процесс приспособления человека к условиям в антропологии трактуется следующим образом. Человек как вид характеризуется высокой изменчивостью морфологических и физиологических признаков. В результате миграций приспособление к новым экологическим нишам осуществляется не только путем технологических усовершенствований, но и биологических перестроек, касающихся как функциональных, так и структурных систем организма (Алексеева 1986).

Открытие в биологии в 60-х гг. XX в. полушарной асимметрии мозга позволило обнаружить, что в филогенезе произошел качественный скачок – функциональная дифференция полушарий мозга. Стратегия мышления человека оказалась связанной с двумя принципиально различными способами переработки информации: левополушарным (логическим) – созданием однозначного контекста, отбором наиболее существенных из бесчисленных реальных связей и правополушарным (образным) – одномоментным охватом всех существенных связей, непосредственным восприятием многогранного образа. Два типа построения контекста идеального образа отражают два качественно различных способа восприятия и поискового поведения человека. В реальности, по мнению В.В. Аршавского, доминирует один из способов организации контекстуальной связи (Аршавский 1985).

Подобное утверждение требует специального исследования применительно к системе школьного образования, не связанного с традиционными типами деятельности и образом жизни. В результате длительных медико-биологических исследований на Севере было установлено, что доминирующие способы переработки информации у коренного и пришлого населения различны. Коренные народности северо-востока России, формирование психической деятельности которых происходило в специфических природных и социальных условиях, обнаруживают большие возможности

включения и использования функциональных систем правого полушария. У пришлого населения, формирующегося в условиях, требующих активного включения логического анализа, больше используются функциональные системы левого полушария (Аршавский 1985: 40). При этом оказалось, что в составе пришлого населения наиболее приспособлены для проживания в условиях Севера лица с правополушарным доминированием.

По мнению В.В. Аршавского, существенную роль в организации преобладающего типа восприятия мира играют генетические факторы. Исследованиями антропологов, биологов, медиков выявляются биологические пути освоения человеком различных регионов планеты. В процессе их заселения формируются закрепляемые генетически соответствующие биологические типы людей со специфическим набором природных характеристик, оптимальных для проживания в каждом конкретном регионе. Тем самым на биологическом уровне путем естественного отбора образуется своего рода защитный пояс – биологический тип человека, обладающий комплексом признаков, наиболее «целесообразных» в данных природных условиях.

Явление биологической адаптации, отмечаемое в современном человечестве, наследственно обусловлено и представляет собой длительный исторический процесс (Алексеева 1986: 159).

Таким образом, можно заключить, что особенности биологической адаптации этноса к природной среде влияют на процессы формирования его культуры и ее преемственность. Эти два процесса – культурной преемственности и природной (биологической) наследственности идут таким образом, что взаимовлияют и взаимоотражаются друг в друге. Отсюда этничность как особая система генетической наследственности и ценностей в основе своей имеет как биологические, так и социокультурные факторы.

Исследующий вопросы связи культурно-антропологических и генетических явлений В.В. Иванов обращает внимание на этот вектор взаимодействия двух пластов существования человека: проекции важнейших биологических процессов на язык культуры, на принципы построения семантических связей в ней. Это особенно очевидно на примере первобытного общества. Изучение языковых

моделирующих семиотических систем дает право ему утверждать, что существует «несомненная часть дуального принципа, по которому каждая древняя социальная единица делится на две (с дальнейшими двоичными делениями)» (Иванов 1978: 172). При этом он ссылается на данные генетики, так как суть дуальных членений в древних обществах связана с биологическим значением разнополости, обеспечивающей перемешивание наследственных задатков. По мнению генетиков, межпопуляционные генетические различия на 70% зависят от различной этнической принадлежности популяций. Следовательно, этнос представляет генетическую реальность даже в большей мере, чем слагающие этот этнос элементарные популяции – изоляты, собственная история которых лишь на 30% определяет их генетическое своеобразие. Несмотря на возможную гипотетичность выводов нового направления популяционной генетики – этнической генетики, оформляющейся в самостоятельную область научного знания на стыке биологии и этнологии, это значительное свидетельство того, что этнос является важнейшей единицей в многоуровневой иерархии различных социальных организаций в контексте взаимодействия человека и природы. В конечном счете соотношение этнической и неэтнической детерминант в генофонде населения региона отражается и на конкретном индивиде – члене этноса. Применительно к нашему объекту исследования актуализируются проблемы взаимообусловленности социокультурных и социальных индикаторов этничности.

Взаимное же, двустороннее влияние генетических и социокультурных факторов выявлено путем философского обобщения естественнонаучных данных – анализа большого количества конкретной информации на основе медико-биологического исследования функциональной асимметрии мозга представителей коренного и пришлого населения в условиях северного региона (Ротенберг, Аршавский 1984: 82-83). По мнению этих авторов, учет генетических особенностей, которые во многом определяются своеобразием межполушарных отношений, чрезвычайно важен для формирования адекватного понимания взаимодействия представителей различных культур и выстраивания гармоничных отношений между этносами. Эти два фактора в развитии национальных групп также выявил англо-американский исследователь Г. Бейтсон. Он отмечал, что

существует один феномен, который можно назвать «этносом» и другой, который можно назвать «структурой культуры», и что эти два феномена работают совместно и оказывают друг на друга взаимное влияние (Бейтсон 2000: 116).

Шкала проявления этничности коренных малочисленных народов Севера

Важными аспектами в характеристике этничности являются формы ее проявления и степень самодостаточности. Американский профессор социологии и антропологии Дж. М. Йингер в середине 70-х гг. XXI в. предложил следующие критерии определения этничности:

- данную группу считают отличной от других по сочетанию таких черт, как: язык, религия, раса, родина предков и культурное наследие;

- члены группы также считают себя отличными от других;

- они участвуют в общей деятельности на основе общего происхождения (реального или мифического) и общей культуры.

Каждый из этих факторов, обращает внимание Йингер, является переменным, поэтому на основе такого определения можно разработать «шкалу этничности» – от «полной» до «нулевой» (см.: Котанджян 1992).

Культурологический подход к определению этничности сохранил свои позиции в исследованиях 1980-х гг. Одно из наиболее «развернутых» антропологических определений этничности конца 1980-х гг. принадлежит американскому ученому М. Нэшу. По его мнению, этничность наиболее ярко выражается в 3-х своих проявлениях:

- главным ее «символическим маркером» служит название (самоназвание), функционирующее в целостной системе аналогичных названий;

- обычным маркером этнических границ служит «набор» культурных элементов, включающий системы родства, устойчиво охраняемые группой, системы питания, религиозные культы;

- вторичную триаду указателей образуют особенности внешнего облика (антропологические характеристики, специфические одежды и язык, осмысление в общем культурном контексте).

При междисциплинарном исследовании этничности возможно «двойное», одновременно культурологическое и ситуационное определение этнической группы. Так, согласно дефиниции А. Коэна, этническая группа – это «общность людей, разделяющих определенные нормы поведения и составляющих часть более широкого социального целого». Этническая группа вступает во взаимодействие с другими общностями в рамках единой социальной системы. Примером «двойной идентичности» является идентификация личности с этнической группой и страной, гражданином которой она является (см.: Котанджян 1992).

Для определения шкалы проявления этничности коренных малочисленных народов Севера используем предложенные Йингером и Нэшем маркеры. С этой целью привлечем материалы комплексной научно-исследовательской экспедиции «Обская панорама», организованной управлением культуры и науки Ханты-Мансийского автономного округа и поддержанной Министерством культуры РФ. Осуществлял экспедицию коллектив ученых Москвы, работающих под эгидой проектного научно-консультативного бюро (ТОО) «Архитектура и культурная политика» (Розин 1993).

Согласно М. Нэшу, главным «символическим маркером» этничности служит название (самоназвание) этноса, функционирующее в целостной системе аналогичных названий. По данным экспедиции, этим «маркером» обладают ханты, манси, селькупы. Они знают самоназвание, т.е. обладают этническим самосознанием. Аналогичные выводы подтверждают материалы комплексной этнографической экспедиции, обследовавшей селькупов Томской области (Васильев, Малиновская 1993). Материалы этнографов фиксируют рост в 80-е гг. этнического самосознания у селькупов, проживающих в области. Это подтверждает формирование в 1989 г. Ассоциации малочисленных народов Томской области «Колда-куп», проведение двух съездов, принятие программы возрождения духовной культуры, требования жителей с. Иванкино о создании национальной школы, открытие в 1992 г. такой школы, проведение сельского схода в ее поддержку в 1994 г. и т.д. Таким образом, символический «маркер» эт-

ничности был характерен для селькупов Томской области, в том числе и детей, обучающихся в Иванкинской малокомплектной общеобразовательной школе. Проведенное сотрудниками Института образования Сибири, Дальнего Востока и Севера РАО анкетирование учащихся школы показало, что селькупские дети знают самоназвание (этноним), причем чаще называют себя более привычным этнонимом – остяки. Следовательно, главный «символический маркер» этничности селькупов, хантов, манси имеется. Он функционирует в целостной системе этнонимов народов России.

Обычным маркером этнических границ, как отмечалось выше, служит «набор» культурных элементов, включающий системы родства, устойчиво охраняемые группой, системы питания, религиозные культы. По мнению этнографа Г.И. Пелих, в годы сталинского режима селькупы разделили судьбу всех малочисленных народов Сибири и Севера. Особенно тяжело этот народ, будучи родоплеменным, пережил коллективизацию и выселение из «неперспективных» деревень (юрт). За эти годы было подорвано благосостояние селькупов, разрушены родоплеменные связи, деградировала древняя самобытная культура (Пелих 1993).

Проблема родовых отношений актуализировалась в современных условиях в связи с передачей народам Севера родовых угодий в собственность. В Ханты-Мансийском автономном округе было принято «Положение о родовых угодьях», составлена их карта. В настоящее время началась передача этих угодий, но здесь возникли сложные проблемы. В «Положении» сказано, что на родовые угодья могут претендовать те, кто занимается оленеводством, охотой, рыболовством, сбором дикорастущих растений как основными формами жизнедеятельности. С этой точки зрения родовое угодье может получить и хант, и манси, и русский. Однако на практике их передают, прежде всего, хантам и манси.

Вторая проблема: кого именно считать аборигенами? Только стопроцентного ханта и манси или к этой категории можно отнести и их детей от смешанных браков (т.е. при наличии 50% или даже 5% аборигенной крови)? Здесь также могут быть несколько вариантов решения проблемы.

Третья проблема: давать ли родовые угодья тем аборигенам, которые формально имеют право на них (поскольку их предки здесь

жили и охотились), но сегодня не ведут традиционный образ жизни, и, главное, не хотят его вести?

В системе обычного маркера этничности народы Севера обнаруживают существенную деформацию родоплеменных связей, деградацию самобытной этнической культуры, утрату многих элементов традиционного образа жизни и деятельности. Сознание народов Севера эклектично, в нем уживаются элементы языческой и православной веры, мифологии и шаманизма. Эклектичность сознания затрудняет процесс модернизации общественных отношений.

Что же касается вторичной триады указателей этничности народов Севера, то ее можно характеризовать материалами ряда экспедиций. Так, полевые материалы этнографического и этносоциологического отрядов комплексной селькупской экспедиции свидетельствуют о фактическом исчезновении языка и традиционной культуры коренных народностей Томского Севера. Большинство томских (нарымских) селькупов расселено дисперсно. Одни живут в поселках с русскими и другими новопоселенцами и практически утратили традиционную культуру. Селькупы носят фабричную одежду и обувь, пользуются современными транспортными средствами (моторными лодками, мотоциклами, снегоходами типа «Буран»), употребляют в пищу блюда, приготовленные из продуктов, приобретенных в магазине. Сохранились лишь отдельные элементы традиционной культуры, в основном промыслового назначения: охотничьи избышки и лабазы, долбленые лодки-облазки, прутьяные ловушки для лова рыбы, некоторые виды охотничьих снастей.

Почти вышел из употребления селькупский язык. Не только в смешанных, но и в «чистых» семьях селькупы говорят преимущественно по-русски. По данным переписи населения 1989 г., только 15% томских селькупов знали родной язык. В основном это представители старшего поколения в возрасте 60 лет и более. Утрачена языковая и культурная эстафета между поколениями. Молодежь не говорит на родном языке, не знает тайгу, не занимается промысловой деятельностью, не владеет приемами и навыками добычи пушных зверей, лесных парнокопытных и рыбы.

Согласно выводам этнографов, в результате длительного совместного проживания с русскими, смешанных межнациональных браков многие селькупы, особенно проживающие в Кривошеинском,

Молчановском, Колпашевском районах Томской области, еще в начале XX в. утратили родной язык. В советский период этот процесс захватил и северные районы области.

В советское время ни один из народов севера Томской области не имел своей письменности, их диалекты и говоры фактически были не изучены. Единичные попытки создания азбук не имели успеха. Так, в 1879 г. миссионером Н.П. Григоревским была составлена азбука сюсекумского диалекта селькупского языка – «Азбука сюсогай гулани». Однако практического применения в обучении грамоте на родном языке селькупских детей азбука не получила (Васильев, Малиновская 1993: 11). Сегодняшние попытки изучения селькупского языка как родного навряд ли увенчаются успехом. Материалы экспериментальной работы Института образования Сибири, Дальнего Востока и Севера РАО в Иванкинской школе показывали, что селькупский язык дети изучают с трудом, думают и выражают свои мысли на русском языке.

Материалы экспедиции «Обская панорама» также подтверждают факты, зафиксированные в других исследованиях: значительная часть аборигенного населения или подверглась ассимиляции (практически полностью утратила свой язык и обычаи), или просто деградировала в культурном и психическом отношении. О последнем свидетельствует рост алкоголизма, безработица, высокий процент самоубийств, запущенность хозяйства и низкий уровень жизни. Только меньшая часть аборигенного населения сохраняет образ жизни, близкий к традиционному, т.е. занимается исключительно охотой, рыболовством, оленеводством, сбором дикорастущих растений. Жить же согласно аборигенной культурной традиции необычайно трудно в условиях современной цивилизации, в окружении и под влиянием других культур.

Опрос показал, что молодые аборигены или вообще не хотят возвращаться в традиционное жилье, к суровому образу жизни, к ведению хозяйства и быта по обычаям предков, или же предпочитают модернизированный вариант «традиционной жизни»: использование электричества и новой техники, современное хозяйствование, полноценное потребление культурных услуг, доступ к передовым формам образования и медицинского обслуживания. Положение аборигенного населения Ханты-Мансийского автономного округа

участники экспедиции характеризуют как маргинальное. Ханты, манси, селькупы чувствуют себя уверенно только в своей деревне. Большинство уехавших на учебу в другие города и регионы, как правило, возвращаются. Аборигены слабо ориентируются в современном производстве, социально-политических ситуациях, происходящих в стране изменениях. Материалы экспедиций свидетельствуют о том, что довольно быстрыми темпами идет ассимиляция аборигенного населения, причем женщины ханты и манси охотно выходят замуж за русских, украинцев, немцев. Значительно меньше браков между русскими женщинами и хантами или манси. Многие аборигены не знают родного языка. Наконец, как отмечают участники экспедиции, почти чертой характера стало иждивенчество: аборигены идут принимать помощь (иногда значительную) от властей как нечто само собой разумеющееся (Розин 1993). Исходя из вышесказанного, можно заключить, что вторичная триада этничности народов Севера, характеризующаяся особенностями их внешнего облика, антропологическими характеристиками, специфическими одеждами, языком, во многом утрачена.

Проведенное сотрудниками Института образования Сибири, Дальнего Востока и Севера РАО в 1995-1996 гг. социологическое исследование 14 селькупских детей, обучающихся в Иванкинской школе, показало устойчивость проявления этничности народов Севера во взаимодействии с природой, в отношении к традиционным видам деятельности в лесу и на реке. Практически все дети, учащиеся 1-8 классов, умеют разжигать костер, изготавливать укрытие из веток и снега, ездить на обласке, собирать ягоды, лекарственные коренья. Мальчики, учащиеся 5-8 классов, умеют устанавливать сети, морды, петли – традиционные орудия ловли рыбы, стрелять дробью, охотиться на пушных зверей, обрабатывать шкуры. Трое из опрошенных детей, учащиеся 5-6 классов, умеют управлять снегоходом «Буран». Дети умеют чистить рыбу, собирать ягоды, обрабатывать овощи и дикоросы, работать на покосе, кормить животных, выполнять основные виды сельскохозяйственных работ, заготавливать дрова, изготавливать изгородь. Всем этим видам деятельности они обучаются в семье. Семья до сих пор является основной ячейкой традиционного, прежде всего трудового воспитания детей народностей Севера. Трудовое обучение в школе в то же время не было связано с условиями и образом

жизни селькупов, не давало тех навыков, которые необходимы в повседневном быту. Семья до сих пор остается надежным хранителем традиционных видов деятельности и норм жизни в природе, одним из главных источников формирования этничности.

В настоящее время с. Иванкино входит в состав Инкинского сельского поселения Колпашевского района Томской области. Численность его, по материалам Всероссийской переписи 2020 г.¹, составляет 27 чел. Это в основном представители старшего поколения. Они хорошо помнят Иванкинскую общеобразовательную школу, в которой пытались изучать селькупский язык в 90-е гг.

Не только трудовое, но и физическое воспитание детей, принадлежащих к группе народов Севера, в школе осуществлялось без учета их физических и социокультурных особенностей. В диссертации Чухонцевой С.В. «Этнопедагогические основы физического воспитания алтайцев» описаны особенности физического воспитания алтайцев (общее название теленгитов, туфаларов, челканцев, принадлежавших в группе народов Севера): традиционная система их закаливания, влияние традиционных народных игр и самобытных физических упражнений на физическое и функциональное развитие детей. В ходе проведенного ею эксперимента были выявлены специфические антропометрические показатели алтайцев: низкий или средний рост, короткие крепкие ноги, широкий торс с развитым плечевым поясом, что значительно снижает результативность таких физических упражнений, как скоростной бег, прыжки в высоту, длину и игр – волейбола, баскетбола, ручного мяча и т.д. В этой связи ею были предложены и апробированы экспериментальная программа и методика проведения занятий учащихся, тренирующее и развивающее воздействие на организм подростков алтайцев самобытных физических упражнений и народных алтайских игр. Результаты эксперимента показали явную динамику физического и функционального развития детей из экспериментальной группы (Чухонцева 2000: 19).

Таким образом, проведенный анализ показал, что проявление этничности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока) фиксируется следующими маркерами:

¹ См: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

- генетическими, физиологическими, социокультурными особенностями развития;
- сформировавшимся самосознанием, определяющим самоназвание этноса и отличающим его представителей от других;
- наличием определенного «набора» культурных элементов (национальный язык, традиционные системы родства, питания и видов деятельности, религия, религиозные культы и верования и т.д.);
- предпочтительным отношением к природе и тем видам деятельности, которые осуществляются в ней непосредственно;
- традиционно уважительным и бережным отношением к семье, семейным ценностям.

Перечисленные маркеры позволяют сделать вывод, что этничность является своеобразной формой солидарности (коллективности), объединяющей людей и определяющей их этническую идентичность. Этничность – это способ выражения групповой идентичности и основа формирования этнической идентичности индивида.

Заключение

Этничность играет значительную роль в характеристике этноса и его культуры. Она представляет собой групповую идентичность людей, образующих этнос, отличающую его от других аналогичных образований. Этничность является основой идентичности не только группы, но и индивида, входящего в нее. Особенно остро этничность воспринимается малочисленными народами, проживающими в многонациональных государствах с доминирующими по численности этносами. В таких государствах поддержка и развитие этничности малочисленных народов становится своеобразным механизмом государственной политики по обеспечению гармоничности, равноправия в развитии межэтнических отношений. В зависимости от уровня социально-экономического развития этноса степень выраженности его этничности и формы ее проявления различны, что необходимо учитывать при формировании государственной национальной политики. Наиболее устойчиво этничность проявляется в культуре, быту, семейно-бытовых отношениях, религиозных и традиционных ценностях. Последние имеют чрезвычайно важное значение

в отношениях с природой и внешним миром. Этничность малочисленных народов воспринимается ими как экзистенциальная ценность, потеря которой расценивается как утрата смысла существования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяции человека. М.: Изд-во МГУ, 1986. 215 с.

Аршавский В.В. Особенности межполушарных взаимоотношений у коренного и пришлого населения Северо-востока. Препринт. Магадан, 1985.

Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антрологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. М.: Смысл, 2000. 476 с.

Васильев В.В., Малиновская С.М. Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области. // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 54. М.: УОП Института этнологии и антропологии РАН, 1994. 53 с.

Иванов В.В. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Сов. Радио, 1978. 184 с.

Котанджян Г.С. Этнополитология консенсуса-конфликта. Цивилизационный аспект национальной безопасности. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Луч, 1992. 165 с.

Кряклина Т.Ф. Этничность как фактор социально-культурного самоопределения народов (на материале народностей Севера) // Вестник Алтайской академии экономики и права. Барнаул, 1998. С. 26-30.

Пелих Г.И. В тайге умирает народ // Северная книга: краеведческий и литературно-публицистический сб-к / Ред.-составитель Е.В. Осокина. Томск: Красное знамя, 1993. 298 с.

Розин В.М. Опыт разработки политики в отношении аборигенного населения (По материалам экспедиции Обская панорама) // Полис. Политические исследования. 1993. № 5. С. 127-132.

Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. 1984. № 4. С. 78-86.

Чухонцева С.В. Этнопедагогические основы физического воспитания алтайцев. Автореф. дисс. канд. наук. Горно-Алтайск, 2000. 19 с.

Ethnicity and the forms of its manifestation in culture and public life (using the example of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East)

Tamara F. Kryaklina – Doctor of Philosophy, Professor, Corr. Petrovsky Academy of Sciences and Arts, independent researcher. Barnaul, Russia.
E-mail: asusocio@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the ethnicity of the indigenous peoples of the North, taking into account the biological and genetic characteristics of their development, the form of its manifestation in public life and culture. The formed biological type of ethnic groups living in extreme conditions of the natural and climatic environment is characterized by the dominant development of right-hemisphere (figurative) thinking, which contributes to building harmonic relations with nature and the outside world. Ethnicity is manifested in the presence of a developed ethnic identity among the peoples of the North, enshrined in the self-name of the ethnic group, the national language (most often spoken), the peculiarities of culture and life, the originality of the system of kinship, nutrition, religion and religious cults. Ethnicity for small peoples are a way of preserving and developing their individuality in a multinational society. This is the possibility of its entry into the national cultures of other peoples. The article is a revised and supplemented, published earlier, article by the author "Ethnicity as a factor in the socio-cultural self-determination of the people (based on the material of the peoples of the North) (Kryaklina 1998).

Keywords: ethnicity, indigenous peoples of the North, the scale of manifestation of ethnicity, ethnic identity.

References

- Alekseeva, T.I. (1986) Adaptive processes in the human population. Moscow, Publishing House of Moscow State University. 215 p.
- Arshavsky, V.V. (1985) Features of interhemispheric interactions among the indigenous and alien populations of the Northeast. Pre-print. Magadan.
- Bateson, G. (2000) The ecology of the mind. Selected articles on anthropology, psychiatry and epistemology / Trans. from Eng. Moscow, Smysl Publ. 476 p.
- Vasiliev, V.V., Malinovskaya, S.M. (1994) The concept of national-political, economic and cultural development of the small-numbered peoples of the North of the Tomsk region. In: *Research on applied and urgent ethnology. Document No. 54*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 53 p.
- Ivanov, V.V. (1978) Odd and even: Asymmetry of the brain and sign systems. Moscow, Sov. Radio Publ. 184 p.
- Kotanjyan, G.S. (1992) Ethnopolitology of consensus-conflict. The civilizational aspect of national security. Moscow, Luch Publ. 165 p.
- Kryaklina, T.F. (1998) Ethnicity as a factor of socio-cultural self-determination of peoples (based on the material of the peoples of the North). In: *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. Barnaul. P. 26-30.
- Pelikh, G.I. (1993) The people are dying in the taiga. In: *Severnaya kniga: a local history and literary journalistic collection*. Ed. by E.V. Osokina. Tomsk? Krasnoe Znamya Publ. 298 p.
- Rozin, V.M. (1993) The experience of policy development in relation to the aboriginal population (Based on the materials of the Ob Panorama expedition). *Polis. Political research*. No. 5. P. 127-132.
- Rotenberg, V.S., Arshavsky, V.V. (1984) Hemispheric asymmetry of the brain and the problem of integration of cultures. *Questions of philosophy*. No. 4. P. 78-86.
- Chukhontseva, S.V. (2000) Ethnopedagogical foundations of the physical education of the Altaians. The author's abstract. Dissertation of the Candidate of Sciences. Gorno-Altaysk. 19 p.

Статья поступила 04.01.2024
Принята к публикации 28.03.2024